

Есть у меня очень хороший, хотя не во всём нравящийся мне карандашный портрет, написанный в 1993 году в Париже художником из России Ринатом Анимаевым.

Написан был портрет в крохотной мастерской, являющейся одновременно и жильём для художника и его брата. Комнатка эта располагалась в мансардном этаже на Монмартре. И вид из их окна, с Монмартрского холма на вечерний Париж, словно изогнувшийся золотой подковой сверкающих огней, открывался просто волшебный!

Вот на этот завораживающий взор вид и предложил мне посмотреть художник, пока писал портрет...

Но, пожалуй, стоит рассказать о предыстории написания данного портрета, поскольку, на мой взгляд, она довольно интересна...

Прочитав в начале семидесятых годов двадцатого века (когда мне было года двадцать четыре) книгу Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», я «заболел» Парижем. Хотя и понимал, что книга эта не о самом городе, где она была написана, а о призвании писателя. Но и о самом городе тоже. Причём написана она автором с такой любовью к Парижу, чудесным языком...

Но, мечтая посетить Париж, я хотел попасть туда не на самолёте или поезде, как все обычные люди, а въехать в него верхом. Как это было в 1814 году, после победы русских войск над Наполеоном. Когда brave красавцы гусары въезжали в сей город, под восторженные крики парижан, и особенно парижанок, на своих рослых, красивых скакунах...

И вот, когда мне исполнилось уже сорок пять, то есть более чем через двадцать лет после прочтения книги Хемингуэя, в 1993 году, возможность такая – въехать в Париж именно верхом – мне, наконец-то, представилась. Правда, не на гарцующем под тобою рысаке, а на велосипеде, в составе международной экологической экспедиции. Для чего необходимо было преодолеть расстояние в 16,5 тысяч километров – от Пекина до Парижа... Старт – в Пекине, в начале мая. Финиш – в Париже, в начале октября.

Надо сказать, что 90-е годы, как писали тогда газеты, «победившей демократии...» были для нашей страны невероятно тяжёлыми. Развалился Советский Союз. Цены стремительно росли. Предприятия закрывались. Наступила повальная безработица. Почти повсюду орудовали бандиты, прибирающие к своим рукам то, что плохо лежит. Будущее было тревожным и неясным.

Во главе страны стоял сильно и без меры пьющий президент. Ключевые посты в его команде занимали всевозможные выскочки, жулики и откровенные воры. Такой контингент всегда, в виде пены, появляется в период всевозможных потрясений и смут. Всякие там Чубайсы, Бурбулисы, Гай-

дары, Поповы, Собчаки – так называемые либералы западного толка. Подобострастно, чуть ли не до хронического косоглазия, заглядывающиеся на Запад и стремящиеся сомнительные «западные ценности» привить на русской почве. Даже не понимая того, что менталитет русского человека совсем иной. Если западный человек в первую очередь задаётся вопросом «Как жить?» – то есть как выстроить карьеру и всё такое прочее, то русский человек, или, шире сказать, восточный человек, в первую очередь задаётся вопросом «Зачем жить?». Каков смысл, подаренной тебе Творцом жизни?

Ведь западный человек – это человек, прежде всего, правила. В правиле он видит надёжность. Но в этом и его слабость. Он боится исключений, хотя в глубине души наверняка понимает, что жизнь сложнее всяческих схем. Но схема, правило для западного человека (я не говорю, что это плохо, я просто констатирую факты) – это вопрос упорядоченности мира. В русской же жизни зачастую исключение и есть правило.

Об этом и многом другом мы, кстати, говорили впоследствии в Мюнхене с бывшим диссидентом, встреченным в своё время Западом чуть ли не с фанфарами, но вернувшимся впоследствии в Россию, выдающимся философом Николаем Николаевичем Зиновьевым, подарившим мне в Мюнхене свою книгу «Запад», весьма нелицеприятную для европейской цивилизации. Нелицеприятную – поскольку в ней он наглядно, с обескураживающей логикой показал ложность и губительность многих так называемых «западных ценностей», коими Запад так гордится.

После этой книги и сам Зиновьев Западу стал неинтересен. Ведь несмотря на своё диссидентство, он Россию не клеймил, а говорил о ней как о надежде всего человечества, в том числе и для сытого Запада. Частенько повторяя впоследствии фразу: «Мы (диссиденты) целили в коммунизм (тоже, кстати, западное изобретение), а попали в Россию...»

И ещё, в Мюнхене, где мы прожили почти неделю, мне довелось дать интервью на радио «Свобода» своему соотечественнику Александру Соловьёву (в Германии – Матхейму, по матери. Он с ней, как с этнической немкой, перебрался туда после смерти главы семьи в конце восьмидесятых), жившему до переезда в Германию в небольшом сибирском городке – Вихоревка, что под Братском.

Интервью со мной длилось минут пятнадцать. И по законам жанра, принятым на радио «Свобода», я должен был восхищаться Западом и их фактическими хозяевами – Соединёнными Штатами Америки. Однако я этого не делал, несмотря на всю такую глянцевою жизнь Европы и плачевное тогдашнее состояние моего отечества. Выражая, напротив, оптимизм в том, что и нынешней так называемой демократией Россия переболеет, как корью, и станет ещё более крепкой и сильной.

Об американцах же на вопрос Соловьёва, как я к ним отношусь, я вообще отозвался не как о нации, а как о некой хорошо ли, плохо ли выведенной породе людей с огромными амбициями и куцей историей...

– Хорошее получилось интервью, – сказал мне Александр, когда мы закончили его запись в шикарной, просторной студии. Возможно, в той же самой, подумалось мне, где писал свои передачи Александр Галич, выдворенный в своё время как «антисоветчик» из Советского Союза, – динамичное, острое. Но, – Александр на секунду задумался, – вряд ли оно у нас пройдёт. У нас ведь радио «Свобода», что на деле означает возможность свободно дудеть в любую дуду, из которой льётся грязь на Россию. – Он ещё на секунду задумался, а потом, уже более оптимистично, продолжил. – Разве что дать его с комментариями всяких там политологов? Где бы они объяснили всему «цивилизованному миру», как ты глобально неправ. Как ты заблуждаешься. Тогда, может быть, и пролезет. В общем, попробую всё же выдать твоё интервью в эфир. Тем более что теперь, после развала Советского Союза, все здесь себя считают победителями. Но, как говорил твой любимый Хэм, «Победитель не получает ничего». Думаю, что и с нами будет то же самое. Просто разгонят всех вскоре. Мавр сделал своё дело – мавр может умереть. Вот на этой мути, на неопределённости интервью и может проскочить. Ибо большинству из нас терять уже нечего...

Впоследствии всё именно так и произошло, как предчувствовал Александр. Многочисленный персонал радиостанции «Свобода» в Мюнхене и в Чехии, до этого вещающей, в основном, на Советский Союз, непринуждённо, и безо всякой жалости, как это умеют делать на Западе, разогнали. Сработал западный практицизм. Зачем кормить лишние рты? Самим надо хорошо питаться. Да и сделали ребята своё дело. Теперь, как отработанный материал, они уже не нужны...

Что же касается моего интервью, то оно в эфир вышло, как и предполагал Александр, с комментариями каких-то трёх могучих аналитиков, которые в течение 45 минут (то есть по времени в три

раза больше, чем длилось само интервью) доказывали, какой я тупой, что не понимаю элементарных истин. И без придыхания отношусь к так называемым незыблемым западным ценностям.

Но узнал я об этом только на обратной дороге из Парижа, примерно через месяц, уже в Варшаве, от своего знакомого журналиста Зигмунда Дзенциалковского. При нашей встрече на Варшавском телевидении, где я, по его протекции, рассказывал об экспедиции и о том, что из 47 человек из разных стран, стартовавших в Пекине 3 мая, до Парижа через пять месяцев и один день, 4 октября, доехали только четыре человека, все россияне, и трое из них – сибиряки, после моего выступления в студии он сказал мне:

– Недели две назад слышал твоё интервью на радио «Свобода». Не во всём я с тобой в нём, дружище, согласен, но в целом интервью мне понравилось. Особенно то, что комментарии были в три раза длиннее самих твоих высказываний. Удалось тебе, значит, их зацепить. Но тебе после всех твоих высказываний, в том числе и о нынешнем российском руководстве, домой лучше не возвращаться. В лучшем случае упрячут в тюрьму или в психушку. А то и расстреляют «без суда и следствия», как врага демократии. Парламент же российский расстреляли из танков и не поперхнулись...

В похвале Зигмунда о моём интервью сработало, я думаю, всё-таки славянское братство, поскольку в горячей любви к России его никак не заподозришь, о чём говорят и его многочисленные публикации в разных европейских журналах.

А тогда, в Мюнхене, после записи интервью, Александр предложил мне пообедать в их столовой, где для каждой редакции были выделены свои столики.

Мы спустились с ним с третьего на первый этаж огромного, мрачноватого (в тёмно-коричневых тонах), какого-то гулкого, со множеством различных редакций, вытянутого дома, расположенного в живописном парке.

В очень просторном, светлом зале столовой в этот час было многолюдно. Сотрудники различных редакций – узбекской, эстонской, молдавской, украинской и прочих – проворно орудовали столовыми приборами, сидя строго за своими столами, о чём говорили аккуратные таблички, указывающие названия редакций. При этом обедающие весело переговаривались, не только между собой, но и с коллегами из соседних редакций, общаясь друг с другом исключительно на русском языке. И глядя на всё это, я с горькой иронией подумал: «Вот парадокс. Все эти люди так стремились развалить Союз, и в конце концов им это удалось. А теперь вот сами, в миниатюре, здесь его создали. И этот союз, как и бывшие союзные республики СССР, по-прежнему скрепляет русский язык»...

Но я отвлёкся.

Итак, чуть выше, мы уже констатировали тот факт, что империя СССР распалась.

От неё, хоть и не сразу, отделились в конечном итоге все шестнадцать союзных республик, ставших самостоятельными государствами.

В самой же России, по-прежнему неизмеримо огромной, в отличие от новых карликовых государств бывшего Советского Союза, единицы – сказочно богатели, очень быстро становясь миллионерами и миллиардерами, превращаясь в так называемых олигархов.

Народ же в подавляющем своём большинстве нищал, спивался от безысходности и неразберихи, и, казалось, уже окончательно начинал деградировать.

Мнилось, что вот-вот, на радость Америке и всем её западным вассалам из Европы, можно будет для этой непокорной страны России, не проигравшей ни одной войны, и не перед кем не склонявшей доселе головы, заказывать пышные похороны. По единодушному мнению западных аналитиков, «страна, где слились Запад и Восток», проиграла, по сути дела, самой себе. Точнее, той «пятой колонне» предателей – западников, крикунов, которых в ней оказалось довольно много. И которые с презрением, через губу, говорили о ней: «В этой стране...»

И порою действительно создавалось такое впечатление, что отчизна наша только что пережила стремительное, разорительное для неё нашествие жестоких иноплемённых орд, желающих только одного: чтобы такой страны, как Россия, больше не было.

Собственно говоря, почти так оно всё и происходило. Только «армии», разрушающие Россию, были не иностранные, а свои – доморожденные, вскормленные, впрочем, иностранной валютой из различных фондов. И во главе этих орд стоял пьяный президент, пожалуй, плохо понимавший, что происходит со страной на самом деле.

Но зато теперь, в это смутное время, можно было делать всё. В том числе и любую мерзость.

На волне этой вседозволенности, о чём прежде даже помыслить было невозможно, и созрел план некой иркутской экологической фирмы «Трэк», что в переводе с английского означало «Шаг», предпринять международный велопробег: «Пекин – Париж». Да не абы как, а под эгидой ЮНЕСКО. На деле доказав, что при помощи экологически чистого транспорта, только при энергии собственных мышц можно преодолевать огромные расстояния. Почти половину экватора. Соединив единым маршрутом столицу Азии – Пекин и столицу Европы – Париж.

Я в эту, во многом, впрочем, авантюрную экспедицию был приглашён как журналист. Жизнеописатель, так сказать, сиюминутностей, которые складываются в дни, недели, месяцы.

С «Восточно-Сибирским книжным издательством» был даже заключён договор об издании книги-альбома об этой экспедиции.

Текст к будущей книге должен был написать я. И я его, кстати, почти подготовил, ежедневно ведя дневник экспедиции, невзирая порою на запредельную усталость, после целого дня кручения педалями на велосипеде.

Фотографии же к планируемому книге-альбому должен был сделать руководитель данной экспедиции – фотокорреспондент ТАСС Сергей Падалко, перебравшийся вскоре, после окончания (не во всём, к тому же, осуществлённой) экспедиции, в Москву. И ни я, ни издательство фотографий от него в нужном объёме и нужного качества так и не получили. А издавать книгу-альбом о путешествии без фотографий издательство сочло невозможным.

Одним словом, как я уже сказал, я был заявлен в данную экспедицию как журналист, и педали крутить совсем не собирался. Тем более что присоединился я к участникам сего проекта лишь в Иркутске. И по дальнейшему маршруту намеревался следовать в машине сопровождения – «Фольцваген – кемпинг», где было четыре стационарных спальных места, газовая плита для приготовления пищи, а также хранились палатки, продукты. И множество запасных деталей для велосипедов.

Обычное же, ежедневное продвижение действительно международной экспедиции (где были и англичане, и американцы, и румыны) осуществлялось следующим образом. Утром, на очередном привале, после завтрака, по карте уточнялся маршрут движения группы велосипедистов. Скажем, от точки А до точки Б. Сорок–шестьдесят–восемьдесят, или больше (в зависимости от рельефа местности и погодных условий) километров, необходимо было преодолеть до обеда. В намеченном пункте Б группу уже ожидала машина сопровождения с приготовленным обедом. После обеда – снова уточнение маршрута, уже на следующий отрезок бесконечного, казалось, пути. Теперь уже от точки Б до точки В, где велосипедистов будет ждать ужин, приготовленный водителем машины сопровождения. А после ужина, вечером, разбиваются палатки и люди ложатся отдыхать. Попросту спят. Причём, очень крепко, как правило. И так изо дня в день. Более того, на федеральных трассах по России велосипедистов должны были сопровождать машины ГАИ, с мигалками, по согласованию с главами администраций тех регионов, по которым пролегал маршрут экспедиции.

Сам я стал крутить педали только от Красноярска.

И в этом моём решении слились как бы два фактора. Во-первых, я человек азартный, и мне тоже захотелось попробовать свои силы. А во-вторых, в Красноярске, куда мы попали на его 365-летие, нашу экспедицию встречали на главной площади города, где и проходило основное празднование. И где мне коллеги журналисты при огромном стечении народа подарили спортивный велосипед – как бы намекая на то, что настоящий журналист всё должен почувствовать сам...

Что же касается сопровождения группы велосипедистов на федеральных трассах машинами ГАИ, то такого почти ни в одном регионе не было. И как-то всё до поры до времени заканчивалось благополучно.

А вот в Кемеровской области, при выезде из Мариинска, где нас (редкостный случай) сопровождали машины ГАИ с мигалками (впереди и сзади колонны), тем не менее, произошла трагедия.

В голову колонны велосипедистов, к счастью, изрядно растянувшуюся (поскольку был в нашей экспедиции даже один инвалид, с протезом до коленного сустава), миновав переднюю машину ГАИ, на полной скорости врезался наркоман, перегонявший для себя откуда-то подержанную иномарку.

От этого столкновения на месте погибла англичанка Шан Томас.

Ей я посветил впоследствии свою тоненькую книжечку «Парижская тетрадь», состоящую из 27 стихотворений, написанных во время экспедиции, и вышедшую в свет в 1996 году.

А вечером, накануне трагедии, прибыв в Мариинск, мы разместились в просторной комнате одноэтажного дома, со множеством кроватей вдоль стен, стульями и столом посередине. Это жильё на ночь радушно предоставила нам городская администрация, кажется, в бывшем общежитии какого-то местного давно уже закрытого предприятия.

И помню, что Шан сама вдруг вызвалась приготовить для всех ужин, который состоял из овсяной каши с бананами и крепкого чая.

После ужина, когда я сидел на своей кровати в углу комнаты и делал ежевечерние записи, Шан – эта тридцатилетняя рыжеволосая весёлая девушка – подошла ко мне. И вопреки своему весёлому нраву, грустно сказала: «Знаешь, я уверена, что до Парижа доедут только несколько человек из всей нашей группы. И это будете вы – сибиряки. И – я, поскольку я не англичанка, а валлийка. А валлийцы для Великобритании – это то же самое, что сибиряки для России, – народ особый...»

К тому времени из нашего состава уже выбыло двое американцев, непреодолимым препятствием к дальнейшему пребыванию в экспедиции для которых стали комары. На одной из ночёвок, перед Мариинском, после целого дня пути мы раскинули палатки в довольно живописном месте, у небольшой речушки. Правда, вокруг была болотистая местность, с целыми тучами комаров. Отчего из палатки американцев почти всю ночь потом доносились истеричные возгласы: «Москитос!.. Москитос!..»

Утром во время завтрака (пакетики с растворимым кофе, гусиный паштет в небольших консервных баночках, хлеб), сидя на раскладных стульях у реки, где прохладный ветерок отгонял свирепых, аки голодные волки, комаров, опухшие американцы, вышедшие из своей палатки позже всех, категорически заявили, что из ближайшего города они отправятся домой.

И уже на следующий день, купив билеты на какой-то ночной поезд, отбыли из Мариинска в Москву.

Мы же, оставшиеся, по распоряжению главврача разместились теперь уже в больничных палатах (больные – в одной, здоровые – в двух других), чтобы быть ближе друг к другу. Да ещё потому, что по распоряжению всё того же главврача нас всех в больничной столовой ещё три раза в день кормили. Прожили мы в больнице примерно неделю. После чего Розы Форстер – американка лет пятидесяти, с гипсом на левой руке, и её муж Гарри, в аварии, к счастью, не пострадавший, как и их соплеменники до того, тоже отбыли в Москву. Планируя оттуда улететь в Америку.

Отправилась в Румынию, с котом Василием, и молодая румынская девушка, лет двадцати семи, отледавшая только царапинами и растяжением ноги. Хотя на её велосипед после аварии было страшно смотреть. И он, как говорится, восстановлению не подлежал. Настолько он был искорёжен. И удивительным было то, что сама она и кот остались целы.

Котишку этого – маленького, серого, всклокоченного, испуганного – румынка (блондинка, как ни удивительно) подобрала где-то на обочине дороги, вдали от населённых пунктов. И поместила в коробку из-под обуви, поставив ту в небольшую металлическую корзинку, стационарно укреплённую впереди руля на её велосипеде. В таких корзинках европейские бабушки в маленьких городках обычно возят из магазинов продукты. Румынка же, не помню, как её звали, собиралась довести таким манером своего найдёныша до Парижа. Так он в этой коробке и рос. И к Мариинску уже едва помещался в ней. А в пригороде Бухареста, где жила эта девушка, он, наверное, стал и вовсе могучим сибирским котом. И, возможно, научился даже любезничать с прогонистыми, цыганистого вида, румынскими кошками на их родном мяве...

Пострадала в той аварии в Мариинске и наша землячка – тренер по стрельбе из лука Нина Максимова. Очень симпатичная и очень фигуристая спортивная женщина. Её потом на поезде я сопровождал в Иркутск.

Из-за всех этих перипетий как минимум недели две времени мы потеряли. Да и группа сильно поредела.

Как я уже упомянул, Розы с гипсом на руке и с Гарри под руку – отбыли в Америку.

Румынка с котом Василием – в Бухарест.

Нина Максимова, с синяками по всему телу и лицу – в Иркутск.

Шан лежала в больничном морге. И вопрос о её дальнейшем передвижении решался двумя людьми. Каким-то атташе из английского посольства в Москве, прибывшим в Мариинск для того, чтобы на месте решить вопрос о дальнейшей транспортировке тела подданной её Величества королевы

Великобритании на родину. Приехал в Мариинск и русский муж Шан – художник-мультипликатор, намеревавшийся похоронить её в Москве.

Где, в конце концов, на туманном ли Альбионе или в Москве упокоилось тело Шан, я не знаю. Но надеюсь, что душа её отправилась напрямик на небо. Больно уж хорошим человеком была эта валлийка.

После Мариинской трагедии все мы полагали, что на том наша экспедиция и закончится.

Однако, несмотря на многих выбывших из состава команды, основные спонсоры и чиновники из ЮНЕСКО требовали от нашего руководителя продолжения экспедиции, поскольку она была уже заявлена во многих официальных документах. А информация о ней была разослана во многие средства массовой информации. Более того, организаторами сего проекта нам милостиво было разрешено компенсировать утраченное время, проехав часть пути на поезде, чтобы снова войти в заранее запланированный график движения. Ибо финишировать мы должны были 3 октября 1993 года в Париже, через пять месяцев после начала экспедиции.

Впрочем, на один день мы всё-таки опоздали, прибыв в Париж, где наш въезд и движение по столице Франции снимало французское телевидение, 4 октября. Выбились из графика на день.

Встречали нас в конечной точке нашего маршрута сырым промозглым октябрьским днём представители российского посольства, расположенного на бульваре Ланн, в шестнадцатом округе Парижа.

Встречали, надо сказать, с чисто российским гостеприимством, предоставив для проживания целый спортивный зал, расположенный в подвале посольства, а потому лишенный окон. И, самое главное, устроив нам всё в том же подвальном огромном помещении настоящую русскую баню! С берёзовыми веничками, с пивком и рыбкой после бани.

И когда мы все – пять человек: водитель машины сопровождения из Москвы; Сергей Макаров – веломеханик из Липецка и трое сибиряков – я, Сергей Падалко и Женя (не помню его фамилию, столько лет прошло, а в записях искать неохота), – раскрасневшиеся, разомлевшие, сидели после парной, укутанные простынями, за столом в просторном предбаннике, где отчего-то пахло стружанными досками, неспешно, с наслаждением пили прохладное пиво, я вспомнил пророчество Шан о том, что до Парижа доберутся только сибиряки. И вот почти так оно всё и получилось.

А на следующий день после прибытия в Париж (и именно верхом!) мы с Серёгой после обеда уже колесили по его улицам на велосипедах, осваиваясь в нём. Тем более что наша официальная пресс-конференция в штаб-квартире ЮНЕСКО была запланирована на середину октября.

Остановившись у какого-то длинного здания, первый этаж которого занимал магазин телевизоров, мы стали сверять, в свете его витрин, свой маршрут по карте Парижа.

Было уже не раннее предвечерье. Смеркалось. Хотя из-за обилия огней на улице казалось, что ночь никогда не наступит. Тем не менее, в нашем посольстве накануне нам настоятельно порекомендовали возвращаться домой не позже одиннадцати вечера. И маршрут возвращения на бульвар Ланн мы как раз сейчас и уточняли.

Уже складывая карту, чтобы положить её в заплечную сумку, за огромным окном витрины, в которой длинным рядом стояли включенные телевизоры, повёрнутые своими экранами на улицу, мы видим Москву. И танки, стреляющие из пушек по Белому дому – парламенту России. И на всех экранах множества телевизоров транслировалась эта жуткая картинка, затмившая собой, похоже, все другие новости.

Мне от этого безумия, творящегося в Москве, стало тогда действительно страшно.

Я огляделся по сторонам, уверенный в том, что внимание всех прохожих сейчас должно быть приковано к этой картинке, поспешно комментируемой на французском языке, но быстро понял, что парижане, куда-то спешащие по своим делам, даже не обращают внимания на то, что происходит в России.

Им здесь, в этом чудесном городе, было хорошо и спокойно. А всё остальное их не особо волновало. Зато это волновало и касалось нас. И я, помню, тогда с горечью подумал: неужели я был не прав, там, в Мюнхене, когда давал интервью на радио «Свобода», утверждая, что Россия переболеет демократией, как она переболела коммунизмом, словно корью, и снова станет крепкой и сильной? Неужели все эти комаришки-«дерьмократы» сумели окончательно одолеть этого могучего зверя – русского медведя?..

И потом, через несколько дней, когда мне довелось брать интервью у моего двойного тёзки Владимира Максимова, писателя-диссидента, живущего на небольшой улочке, в небольшой квартирке, недалеко от Триумфальной арки в начале Елисейских полей, мы уже оба сокрушались о происходящем. Не веря всё же в глубине души, что с Россией всё кончено.

И помню, как прощаясь со мной и пожимая мне руку, Владимир Емельянович сказал:

– Верю, что пока есть Сибирь и исконная Россия за Уралом, нашу страну не одолеть...

Он сказал «нашу», хотя в Париже прожил уже, наверное, лет двадцать. И даже был одно время редактором журнала «Посев», опубликовав там немало очень значительных произведений наших соотечественников...

Надо сказать, что в Париже жизнь у меня, как у журналиста, была весьма насыщена и разнообразна.

Так, мне посчастливилось даже взять интервью (не без помощи Владимира Максимова, который дал мне телефон) у всемирно известного актёра Алена Делона, с которым Максимов был дружен.

А с Пьером Ришаром, тоже актёром с мировым именем, довелось даже выпить по чашечке кофе на его барже, пришвартованной к одной из набережных Сены.

Баржа была переоборудована им под весьма комфортабельное жильё. И на её просторной палубе так было приятно сидеть, чувствуя лёгкий ветерок с реки, и пить кофе со столь знаменитым человеком, пусть даже и общаясь с ним только жестами и мимикой, да парой французских слов, типа: «Бонжур мусье; Уи, мусье; Пардон...»

Отчего-то частенько вспоминаются мне и выглядевшие какими-то скучными, словно с выцветшими глазами и охрипшими голосами ярко одетые парижские проститутки, во множестве стоящие на пляж Пигаль, у Мулен-Ружа. Совсем не похожие на тех озорных, весёлых девиц, так красочно изображённых на многих картинах Тулуза Лотрека, жившего одно время среди них в Мулен-Руж. Мне же они отчего-то напоминали печальные цветы герани в горшочках, частенько выглядывающие из многих окон парижан на вечерние улицы...

И хриплый голос жриц любви,
Их ноги, плечи
Волнуют меньше, чем Мистраль.
И – этот вечер.

Именно на пляж Пигаль и у Мулен-Ружа, когда я проезжал мимо этих мест на велосипеде, и начинало у меня складываться это стихотворение, вошедшее потом в книжку «Парижская тетрадь».

И ещё отчего-то довольно часто вспоминалось мне там, на улицах Парижа, одно из стихотворений Дона Аминадо, написанное им здесь же, в вынужденной эмиграции после октябрьского переворота 1917 года. Может быть, вспоминалось оттого, что и сейчас в России тоже был переворот, и тоже октябрьский. Да ещё потому, наверное, что в нём также присутствует намёк на парижских девиц лёгкого поведения.

Станем жаловаться вслух,
Что сильнее плоть, чем дух.
Что до неба – высоко.
Что Россия – далеко.

И всё-таки Париж, который я представлял себе в основном по книге Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», и после которой «заболел» им я, как будто не узнавал, не находил. Даже весьма своеобразный Латинский квартал и чудесные, необычайной архитектуры здания не очень изумляли меня. Да, мне нравился этот необычный город, но для полноты ощущений мне как будто всё время чего-то не хватало. Какой-то присущей только этому городу особенки, что ли. И мне порою начинало казаться, что я приехал совсем в другой Париж. Не в тот, о котором писал Хемингуэй.

Даже символ Парижа – Эйфелева башня – не очень потрясла меня, вызвав весьма необычные ассоциации об ажурном чулке, обтягивающем ногу красивой высокой женщины. Причём чем выше по нему (в данном случае по чулку, впрочем, и по Эйфелевой башне тоже) продвигаешься (скажем, рукой), тем больше у тебя захватывает дух...

Вот так, изо дня в день, ничем до официальной конференции в штаб-квартире ЮНЕСКО не занятые, мы и колесили по Парижу на велосипедах. По набережным Сены и другим местам. И чем больше вглядывался я в город, тем больше говорил себе: «Нет, тут что-то не то. И даже Нотр-Дам какой-то не такой, каким я его себе представлял. Как будто меньше, что ли...»

В один из таких познавательных дней, уже под вечер, изрядно накатавшись по Парижу, мы решили посетить Монмартр, где ни разу ещё не были.

По пути туда Серёга тормознул у какой-то немалых размеров мусорной кучи возле дома (кстати, дерьмо собачье на тротуарах этого города тоже не редкость), решив сделать несколько интересных снимков. Тем более что в куче мусора деловито рылся колоритный – здоровенный белозубый негр, выживающий из различного хлама, ставшего ненужным, толстые порнографические журналы. Найдя очередной журнал, он бережно проводил по нему рукой в шерстяной (дырявой в нескольких местах) перчатке, словно удаляя с его глянцевого обложки пыль или оглаживая тела голых девиц, красующихся на ней. После чего клал журнал в спортивную сумку, висевшую у него на плече.

Серёга, опираясь попой о раму велосипеда, щёлкнул несколько раз затвором фотоаппарата (тогда аппараты были ещё плёночные). Негр, увидев, что его снимают, довольно разулыбался. Причём улыбка его большого рта, с пухлыми, словно специально вывернутыми наружу, губами, отчего-то, напомнила мне оскал хищника: акулы, волка ли.

С этой улыбочкой во весь рот он вразвалочку направился в нашу сторону. Довольно сносно лопоча при этом по-английски:

– You must me ten dollars for my photo. – При этом здоровяк, пожалуй, не менее ста восьмидесяти сантиметров ростом, свою огромную ладонь, с розоватой ладошкой (перчатку он снял), протягивал в нашу сторону.

– Чего он хочет? – спросил меня Серёга, перекидывая фотоаппарат за спину.

– Он хочет, чтобы ты дал ему за его фотографию десять долларов.

– А ху-ху он не хо-хо? – весело взглянув на негра, ответил Серёга, перекидывая теперь уже и ногу через раму велосипеда, готовясь отъехать от этого злчного места. – Скажи ему: «В следующий раз». – И добавил, словно размышляя вслух: – Мне бы самому кто десять долларов дал...

– Perhaps, may be tomorrow? – Я не сразу вспомнил, как сказать «В следующий раз», поэтому сказал вначале: «Возможно, завтра». А, вспомнив, добавил. – Or next time.

Негр картинно взмахнул руками, и, хлопнув ладонями по своим бёдрам, обескураженно, словно он был маленький ребёнок, вслед нам прокричал:

– Russians not pay never! – Что означало: «Русские никогда не платят».

Отчего мне в связи с его репликой вспомнился старинный анекдот, когда бравый гусар русской армии времён 1814 года покидает после ночи, проведённой с парижанкой – дамой лёгкого поведения – свою пассию.

Гусар, уже облачённый в мундир, поправляет у зеркала усы...

А дама, ещё полусонная, утомлённая ночными безумствами, видя, что кавалер собирается уходить, изумлённо восклицает:

– А деньги?

На что бравый рубака с достоинством отвечает:

– Мы, гусары, денег не берём-с!

Такие вот у нас с европейцами разные взгляды на шкалу ценностей.

Направляясь на Монмартр, мы остановились сверить свой маршрут, у какого-то широченного моста, ведущего вверх, на холм. И перекинутого не через реку, а будто бы через огромный овраг, на дне которого располагалось кладбище.

И как только мы спешились, чтобы достать карту, к нам тут же подскочило несколько человек арабской внешности (не то марокканцы, не то алжирцы, не то египтяне). На плохом английском (гораздо хуже чем у встреченного нами у кучи мусора негра) они затараторили, пытаясь всучить нам какие-то свои «сувениры». И тыча ими нам почти в лицо. Среди этих безвкусных безделушек были и фотографии певицы Далиды, оказывается, похороненной на этом самом кладбище под мостом, где был виден только бетон, и не наблюдалось даже клочка земли с зелёной травкой.

И вся эта гортанно и громко галдящая орава торговцев, обступившая нас словно цыгане, что-то очень быстро, будто они куда-то очень спешили, пыталась нам втолковать. Из того что мы поняли,

становилось ясным, что эта без умолку говорящая публика готова осчастливить нас не только своими безделушками (по 10 долларов за штуку – прямо неизменная какая-то такса в Париже), но и тут же сопроводить нас к могиле Далиды (правда, за отдельную плату), в которую, судя по их горячим словам, изредка понимаемых нами, был влюблён когда-то даже сам Ален Делон!

Причём, говорили они все не только громко, быстро, но и почти одновременно. И были мне этой своей назойливостью неприятны, как надоедливые мухи.

– No! – громко и безапелляционно ответил я на все их настырные предложения, отчего они все тут же потеряли к нам всякий интерес и неспешно, с какой-то презрительной ленцой, отошли от нас. А мы поехали вверх по этому самому мосту над кладбищем.

И вот теперь, на Монмартре (холме мучеников, поскольку на его вершине в 272 году первый епископ Парижа Дионисий и два проповедника были обезглавлены за распространение христианства в Риме, Германии, Испании, а затем и в Галлии – нынешней Франции), с его великолепной седой по цвету базиликой Сакре-Кёр (Святое сердце), с его небольшими кафе и небольшими же магазинчиками, похожими на маленькие, красиво разукрашенные деревенские домишки, я вдруг почувствовал, что нахожусь именно там, куда так стремился. Именно в том Париже, так великолепно описанном Хемингуэем. К тому же, Монмартр – это ещё и самая высокая точка на севере французской столицы, оттуда открывается такой изумительный вид!

Название своё – «Mons Martis» по-латыни – это место получило оттого, что раньше на этом холме располагался языческий храм бога Марса.

На Монмартре всегда селились поэты, художники, музыканты. Здесь жили Золя, Берлиоз, Ренуар, Ван Гог, Пикассо и многие другие, ставшие впоследствии мировыми знаменитостями.

Повсюду в лавочках тут продавались разнообразные сувениры, самым распространённым из которых была чёрная футболка, с изображённой на её груди золотистой, словно кружевной, Эйфелевой башней и словом Париж на английском, русском, французском и прочих языках.

Ведя велосипеды «под уздцы», мы вышли по узкой улочке на небольшую квадратную площадь Тертр, где властвовали художники, отчего-то имеющие, на первый взгляд, жуликоватый вид.

Может быть, они производили такое впечатление потому, что им надо было заманивать туристов для написания портрета или шаржа. Ибо основной заработок художников Монмартра – рисование портретов. Да ещё продажа обычно небольших по размеру картин с изображением различных достопримечательностей Парижа.

Каждый квадрат этой площади был отмечен металлическим – под бронзу – штырём, невысоко торчащим из мостовой, с номером на его торце, где художникам для выставления их картин выделялась площадь примерно метра полтора на полтора. И на этих квадратах почти вплоты друг к другу были выставлены картины.

На картинах были и вечерние улочки Парижа, с отражающимся светом фонарей в Сене. И какие-то абстрактные картины, глядя на которые трудно было понять, что на них изображено. И привлекала, в основном, необычная цветовая гамма.

По сюжетам картин почти безошибочно можно было определить и предпочтения художника, и то, откуда он родом.

Вот этот явно из Эстонии. Узкие улочки Таллина. Башня «Толстая Маргарита». Зеленоватый шпиль собора Нигулисте, вонзающийся в небо. Красная черепица и серые стены крепостной стены, старого города...

Этот – болгарин. Небольшая, аккуратная деревенька. Алые черепичные крыши на фоне голубого неба. Церквушка на горе. И кусочек синего моря в отдалении...

Рядом с ним, скорее всего, турок. На картинах его – тянущиеся ввысь минареты, золотые полумесяцы, много солнца...

– Неужели здесь нет русских художников? – засомневался Серёга, когда мы прошли уже добрую половину площади.

– Должны быть, – обнадёжил я его.

Когда мы прошли ещё несколько шагов, на самом углу площади перед нами предстали два совершеннейших фронта! – если даже судить по меркам такого изысканного города как Париж.

Не было на них, как на большинстве присутствующих здесь художников, ни вытянутых (казалось, на три размера больших, чем нужно) грубой вязки свитеров, ни потёртых джинсов или пузы-

рящихся штанов, ни малиновых бархатных беретов, заломленных на ухо, ни небрежно перекинутых через плечо длинных шарфов.

Оба молодых человека (а они были действительно молоды) были в светлых распахнутых плащах, под которыми виднелись явно не дешёвые серые твидовые костюмы. В дополнение ко всему они были в серых фетровых шляпах и небрежно повязанных на шеях шёлковых шарфах не очень яркой расцветки.

А ещё, то ли из-за природной, приятной сухощавости обоих казалось, что лица их будто бы выточены Создателем из благородных пород светло-коричневого дерева.

Здорово, мужики! – обратился я к ним, придерживая левой рукой велосипед, протягивая правую для рукопожатия.

Мы молча пожали друг другу руки. А потом тот, что был пониже ростом, но, по-видимому, старший по возрасту, спросил:

– А как вы догадались, что мы из России?

– Да вы на картины-то свои взгляните! – ответил я. – Коровы, стожки сена, туман в низине над речушкой, берёзы. Явно среднерусская полоса.

– А-а-а, – протянул тот, который заговорил с нами. И так вдруг по-доброму улыбнулся приятной, открытой улыбкой. – Ринат Анимаев, – слегка наклонив голову, представился он. – А это мой младший брат Евгений – тоже татарин, – снова улыбнулся он. – Помните, как у Высоцкого: «Бабка с Волги у меня. Прадед мой самарин. Если кто и влез в родню, так и тот татарин...» Брат помогает мне продавать картины, ищет клиентов. Сам не пишет, – закончил Ринат.

Представившись друг другу и ещё раз обменявшись рукопожатиями, мы объяснили братьям, как и почему оказались в Париже.

– О, это дело надо отметить! Только русские способны на такое сумасшествие – прикатить в Париж на велосипедах! – воскликнул Ринат. – Женя, позови болгарина, – обернулся он к брату.

Минут через десять (перед тем растворившись в довольно плотной толпе зевак, прогуливающих по площади) Евгений вернулся с каким-то совсем юным, лет восемнадцати, смуглым молодым пареньком. Глаза у него были навывкате, нос походил на баклажан. И, когда глядишь в его чёрные печальные глаза, отчего-то сразу возникала ассоциация с меланхолично-мудрыми глазами коровы или козы с их вековечной невысказанной грустью. Юноша так разительно был похож на турка, что начинало возникать сомнение, а свободна ли Болгария от турецкого ига? Хотя её ведь ещё в девятнадцатом веке освободили наши доблестные русские солдаты. В том числе и при славных победных баталиях на Шипке.

Ринат достал из внутреннего кармана пиджака франки (евро тогда ещё не было) и начал отсчитывать деньги, отделяя купюры от довольно пухлой пачки.

Мы с Серёгой тоже, было, демонстративно полезли в задние карманы наших велосипедных маек, хотя и знали, что там в лучшем случае можно обнаружить лишь вошь на аркане, да несколько франков мелочью.

– Не надо, – увидев наши телодвижения, предостерёг Ринат, сделав соответствующий жест рукой. – Сегодня угощаем мы.

Он передал всё так же печально глядящему на всех болгарину отсчитанные деньги и подробно разъяснил, в какой именно лавке (где было подешевле), какого именно и сколько надо купить сыра и вина.

Паренёк согласно кивнул головой, взял деньги, и уже через мгновение будто растаял в плотных сумерках, среди не очень хорошо освещённых кривых переулочков.

– Сворачиваемся! На сегодня хватит, – сказал Ринат брату. И тот молча стал складывать картины с их квадрата в большую сумку.

Отчего на этой вымощенной булыжником площади сразу образовалась ощутимая брешь. Ведь кусочек России уходил отсюда...

На прощание Ринат помахал кому-то рукой. Вложил ладони в карманы брюк и лёгкой походкой, в распахнутом плаще, зашагал прочь от площади. А мы последовали за ним – я и Серёга, придерживая велосипеды, Евгений с большой брезентовой сумкой через плечо.

Шагая позади Рината, я отметил про себя, что брюки его были идеально отутюжены, а до блеска начищенные коричневатые туфли, казалось, отражали блёклый свет фонарей.

В их комнате на последнем этаже четырёхэтажного дома, расположенного совсем недалеко от площади Тертр, пока не пришёл болгарин, Ринат предложил нам фрукты, в виде натюрморта лежащие в вазе на журнальном столике этой небольшой, но очень уютной и опрятной квартиры.

И в этой их комнатке я впервые, кстати, в своей жизни попробовал киви – причём вначале попытавшись съесть этот плод целиком, как огурец.

– Киви надо сначала очистить, – оценив мои намерения, предостерёг Ринат, моя в это время руки у умывальника в углу и видя меня в зеркале над ним. – Женя, покажи, как это делается, – обратился он к брату, уже успевшему аккуратно составить картины в какую-то нишу за занавеской.

Не успели мы все вымыть руки, как явился болгарин, молча поставивший на журнальный столик (другого стола по причине её малости в комнатке не было) трёхлитровую бутылку с красным бургундским вином и полголовки сыра в лощёной бумаге.

Проделав эту нехитрую комбинацию, он вопросительно взглянул на Рината.

– Всё, брат, спасибо, сдачу оставь себе, – сказал художник курьеру.

Тот кивнул головой и вышел.

– Он что, немой? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил Ринат, – переживает просто сильно. Ему сообщили недавно, что девушка его в Болгарии готовится выйти замуж за его более зрелого односельчанина. И, подходя к столику, как бы мимоходом обронил, не оборачиваясь: – Женя, стаканчики, тарелочки. – И вдруг, чуть прищурившись, пристально взглянув на нас с Серёгой, весело добавил. – Приезжайте-ка вы к нам завтра! Вот так же, под вечер. Я ваши портреты нарисую. Это ведь не шутка – въехать в Париж верхом! Так что личности вы неординарные. И я на ваших портретах, глядишь, ещё и заработаю. А сегодня у нас – пир, – закончил он.

Вино было отличное. Достаточно терпкое, лёгкое, и хмельное. Сыр – тоже был очень хорош. И всем нам было весело и славно! Как бывает обычно, когда встречаются родственные души. Или – соотечественники на чужбине.

Мы много говорили, смеялись. И, к неудовольствию охраны нашего российского посольства, возвратились назад по почти пустынному городу лишь к полуночи, а не к одиннадцати вечера, как нам рекомендовалось. Двенадцать часов – это был уже предельный срок...

И в этот раз, проезжая по улицам Парижа, освещённым светом множества огней, я радовался тому, что, наконец-то, узнал его, этот чудесный город.

На следующий день мы снова поехали на Монмартр, где Ринат в своей мастерской и нарисовал наши с Серёгой карандашные портреты, сделав ещё и для себя несколько эскизов нас с велосипедами. Готовые же портреты он свернул трубочкой, каждый обернул цветной бумагой и подарил нам, видимо, понимая, что мы ему за них заплатить не сможем. Да и вряд ли свидимся ещё когда...

И мне теперь так иногда приятно прочитать в углу портрета, висящего в моей спальне: «Ринат Анимаев, 93 г. Париж. Монмартр».

Вот так у меня и появился ещё один портрет. И на нём я, как мне кажется, больше всего похож на самого себя, каким я себя представляю, хоть и с отросшей во время экспедиции бородой.

Правда, есть в этом портрете, с гордо вскинутой головой, некая неуловимая шляхетская спесь. Будто я гляжу ироничным взглядом ясновельможного пана, на всех и на всё свысока.

Это, несомненно, портрет победителя. Притом, чрезвычайно довольного своей победой.

И очередной вывод здесь напрашивается сам собой.

Человек всегда может достичь того, чего он очень сильно хочет. Правда, при одном обязательном условии – долго и упорно трудиться, двигаясь к своей цели, порою очень крохотными шажками. Ибо даже малая капля, как известно, камень точит, порою пробивая его насквозь. Особенно если это делается долго и регулярно.

Однако, имея цель, время всё-таки лучше не торопить. Оно и так движется чрезвычайно быстро. Словно необъезженная дикая лошадь, не подчиняющаяся никаким законам, кроме своих собственных...

Что же касается художников и живописи вообще, то мы ещё ненадолго давайте задержимся в Париже, чтобы поговорить об этих и других вопросах тоже...

Где-то в середине октября (или чуть позже, поскольку сроки раза два по каким-то причинам переносились) состоялась наконец-то наша пресс-конференция в штаб-квартире ЮНЕСКО.

Народу на ней было немного. Человек двадцать, пожалуй. В основном, чиновники экологических организаций из разных стран. Плюс пятеро синхронных переводчиков. И два-три журналиста, да один телеоператор с камерой.

В своём десятиминутном докладе («Не более», – как предупредили меня заранее организаторы сего мероприятия) я обозначил, на мой взгляд, весьма простые и очевидные приоритеты. Об энергосберегающих технологиях, о том, что так называемый «технократический прогресс», на который уповает почти всё «цивилизованное человечество», – это, скорее всего, всё-таки не прогресс, а регресс. Поскольку природные ресурсы Земли варварски расхищаются и быстро истощаются в угоду немногочисленным странам и людям, живущим в этих странах, желающим жить всё более и более комфортно. Причём, достигая комфорта любой ценой. И что даже самый обычный грек из «Древней Греции» был, по моим понятиям, гораздо умнее, образованнее, и, самое главное, более приспособленным к жизни в любых условиях, чем нынешний среднестатистический обыватель, который придёт в ужас, скажем, от простого отключения электричества. И не будет знать, что делать и как дальше жить. Древний же человек умел, например, сориентироваться по звёздам в море. Мог развести костёр и приготовить себе пищу...

Кто-то из особо нетерпеливых слушателей (кажется, это был профессор из Германии), перебив меня, спросил:

– Так вы что же, призываете нас снова к сохе, лошади, в средневековье?!

– Нет, к этому я не призываю, поскольку и сам люблю тёплый туалет, – уверил я своего оппонента. – Но если человечество захочет выжить, ему придётся искать альтернативные, безвредные для природы энергетические ресурсы, используя энергию ветра и солнца. Придётся подумать и о самых важных, основополагающих для жизни любого биологического вида, в том числе и человека, вещах: чистом воздухе и чистой воде – пожалуй, самом ценном на земле продукте. Гораздо более ценном, чем любые драгоценные камни и нефть. Ибо питаться драгоценными камнями и пить нефть, увы, невозможно. Неизбежно придётся задуматься и о чистом воздухе, в большинстве мегаполисов уже почти ставшем ядовитым из-за обилия в них автомобилей с их отнюдь не безвредными выхлопными газами. Поскольку можно, скажем, поменьше есть, но дышать-то поменьше невозможно. Одним словом, человек должен, в конце концов, научиться жить в гармонии с природой. А не насиловать её, как это происходит повсеместно ныне. Перекрываются плотинами могучие сибирские реки. Создаются так называемые искусственные моря – прозванные в народе не водохранилищами, как их называют официально, а «водогноилицами». Безжалостно вырубается тайга. Например, на один только какой-нибудь многомиллионный тираж, в принципе, никому не нужного глянцевого журнала порою уходят гектары леса. И примеров подобных, увы, не счесть. И пока что, я уверен в этом, поставщиком экологически чистой продукции (в том числе и немодифицированных на геном уровне продуктов питания) может стать Россия...

– Ну, вы и фантазёр, молодой человек! – снова перевела мне слова нетерпеливого немецкого профессора, раздутого не только от своего пафоса и значительности, но, по-видимому, ещё от хорошего немецкого пива, говорящая как-то бесстрастно художавая, с несчастным лицом, бледная переводчица с тонкими бескровными губами. – Что и кому может поставлять Россия, если она почти всё, даже йогурты, закупает сейчас у нас, на Западе?

– По самым скромным подсчётам, профессор Вилли (перед каждым участником конференции стояла карточка, с отпечатанным на ней именем и званием), – продолжил я после заданного мне им очередного вопроса, – одни только химические предприятия Дюссельдорфа «съедают» почти весь кислород, производимый весьма хилыми лесами Германии. И если бы не существовало, как говорят метеорологи, глобальных переносов воздушных масс, то вам, в вашей стране, было бы просто нечем дышать. К счастью, на планете Земля осталась ещё пара «лёгких» – это тропические леса Амазонки в Южной Америке и сибирская тайга, не до конца ещё вырубленная по причине своей бескрайности алчными лесорубами. И молитесь Бога, что на самом деле «железного занавеса», о котором вы все в Европе так долго трубили, не существовало в природном аспекте и жизненно необходимый воздух европейцы получали, в основном, именно из России. Это первый и самый главный, жизненно необходимый продукт нашего импорта в Европу.

Что же касается чистой воды, литр которой, я в этом также глубоко убеждён, будет стоить в обозримом будущем гораздо дороже нефти и золота, то и здесь Россия на лидирующих позициях.

В Европе из рек и ручьёв уже давно воду никто пить не рискнёт. У нас, особенно в Сибири, такое ещё возможно. Более того, Байкал с его пока ещё чистой, несмотря на старания технократов всех мастей водой составляет, как известно, одну пятую часть мировых запасов поверхностных пресных вод нашей планеты. И способен один снабжать всё население Земли, в случае необходимости, несколько десятков лет.

Что же касается обмена продуктов, поставляемых Европой в нашу страну, и обмениваемых на обычную бумагу, именуемую «твёрдой валютой», то об этом процессе уже очень хорошо было написано в романе итальянского писателя Альберто Моравия «Чачора». Там есть, кстати, такой поучительный для многих так называемых бизнесменов, уповающих только на деньги, на их, как им кажется, безграничное могущество, эпизод. Когда-то во время войны в очередной раз приехавшей из Рима перекупщице простой крестьянин из небольшой итальянской деревеньки отказывается продавать сыр даже за очень большие деньги.

– Он что у тебя – золотой?! – в сердцах восклицает перекупщица.

– Нет, синьора, он не золотой. Но сыр гораздо дороже золота. Потому что золото вы есть не будете.

Это я к тому, что чистая вода и воздух гораздо дороже всяких йогуртов и бумаги, именуемой денежными знаками. И, к счастью, ценность чистой воды очень многим становится теперь очевидной.

Вот вам лишь один пример. По дороге сюда, в Париж, проезжая по Чехии, в городе Пльзень, на знаменитом пивоваренном заводе мы подарили чешским технологам пятилитровую бутылку с байкальской водой, накачанной с глубины в двести метров. Так чешские пивовары, пообещавшие сварить на основе этой уникальной воды пиво, полдня потом поили нас своим чудесным пивом и ещё в дорогу загрузили в нашу машину сопровождения несколько коробок своего чудесного продукта разных сортов...

И закончить я хочу своё выступление словами прекрасного французского писателя и лётчика (я заметил, как английский эксперт – дама, похожая на изнурённую работой худую лошадь, презрительно скривила губы) и просто очень хорошего, на мой взгляд, человека, Антуана де Сент Экзюпери, которые он так точно написал о воде. Чтобы ничего не перепутать, я прочту вам одну или две его цитаты по записочке. Итак:

«Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. Ты величайшее в мире богатство, но и самое непрочное, – ты, столь чистая в недрах земли... Ты не терпишь примесей, не выносишь ничего чужеродного, ты божество, которое так легко спугнуть...»

И ещё одна его цитата. Как видите, я серьёзно готовился к выступлению во Франции, в Париже, воскресив в памяти некоторые изречения одного из любимых моих авторов по его книге «Планета людей».

Я взглянул на профессора Вилли и прочитал будто бы только для него одного:

«Если кто-то мыслит иначе, чем я, он не только не оскорбляет меня этим, но, напротив, обогащает меня».

Французы, присутствующие в этом небольшом зале, с мягкими сиденьями, расположенными амфитеатром, в ответ на чтение цитат, переводимых переводчиками на разные языки, согласно, и согласованно будто, довольно закивали головами. А кто-то из них даже захлопал в ладоши. А я уже продолжил своими словами:

– Эта простая, но очень глубокая мысль Экзюпери, и о воде, и об отношениях между людьми, говорит, в общем-то, о том, что все мы на нашей маленькой планете Земля, которую можно объехать даже на велосипеде, не причиняя, кстати, этим никакого вреда природе, находимся в одной лодке и связаны друг с другом. Поэтому я и обращаюсь к вам – международным экспертам по экологии – с просьбой по содействию включения Байкала в список всемирного наследия. Чтобы впредь это уникальное озеро могло быть под защитой мировой общественности, и не зависело от головотяпства отдельных, пусть даже и очень высокого ранга, чиновников нашей страны. Которые не могут до сих пор закрыть Байкальский целлюлозный комбинат, сбрасывающий свои отравленные стоки (пусть и очищенные, как утверждают эксперты) в уникальный водоём...

Что самое удивительное, через несколько лет Байкал действительно был включён в Список мирового наследия. А ещё через какое-то время, но уже в двадцать первом веке, был закрыт и печально известный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат – БЦБК, так долго гадивший «в славное море, священный Байкал», в это уникальнейшее озеро планеты.

О вредоносности сточных вод для «священного моря» в разных газетах и журналах я написал не один десяток статей. Так что скромно надеюсь, что и в закрытии БЦБК, и во включении Байкала в Список мирового наследия есть и моя, пусть маленькая, толика...

Не думай, дорогой читатель, что я забыл о своём намерении ещё немного поговорить о художниках и их художествах, порою весьма сомнительных. К этому моменту я как раз и подхожу.

После моего выступления, прений, и очень скромного фуршета (бокал шампанского и тарталетки), нашу группу «велопробегистов», как назвала нас по-русски гид, сопровождающая потом нашу команду по штаб-квартире ЮНЕСКО, повели знакомиться со всевозможными достопримечательностями и в самом здании, и за его пределами.

Гидом нашим вызвалась быть гречанка. Может быть и оттого, что я с симпатией отозвался в своём докладе о её соотечественниках – древних греках.

По-видимому, тёмные от природы волосы её были испорчены перекисью водорода. И выглядели безжизненными и ломкими, но светлыми. Лицо у неё было миловидное. Фигура, что редкость для южных народов, была почти девическая, хотя ей было явно за сорок.

Сначала наш гид провела нас в садик ЮНЕСКО и показала место, где не более чем на десяти квадратных метрах уместился настоящий японский садик. Небольшой водоём с причудливо, и в то же время в строгой гармонии, «раскиданными» вокруг него огромными и не очень валунами, то стоящих в некоем нагромождении, то по отдельности, с лениво плавающими в крохотном озёрце зеркальными карпами, за которыми можно было наблюдать стоя на причудливо выгнутом деревянном красиво разукрашенном (чёрное и красное) мостике, перекинутом через водоём.

– Это дар ЮНЕСКО от Японии, – пояснила гид.

Из садика через широкие стеклянные двери мы вновь вернулись в здание.

В каком-то пустынном, просторном холле гид обратила наше внимание на огромную висящую на стене картину Ильи Глазунова. На ней было изображено множество лиц – русские князья, царские династии, выдающиеся люди и политики, поэты, музыканты...

И среди этих порою неведомых мне лиц я как бы заново узнавал и уже знакомые: Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского – с его колючим взглядом, коротко стриженного, в добротном костюме-«тройке» с галстуком...

Отчего-то вспомнились и его стихи, написанные в те времена, когда он был нешуточно влюблён в эмигрантку первой волны Татьяну Яковлеву, живущую в Париже. Он писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже. Если б не было такой земли – Москва». А конкретно к ней были обращены другие строки из его стихотворения «Письмо Татьяне Яковлевой»: «Ты одна со мною вровень ростом...» Высокая, значит, была девушка. И ещё о ней же: «Вошла решительно, как нате, муча перчатки замш. И тихо сказала: «Знаете, я выхожу замуж».

Маяковский познакомился с Татьяной Яковлевой в 1928 или 1929 году.

Полюбив эту девушку (ей тогда было 22-23 года), он почти месяц прожил в Париже. (Я тоже прожил почти месяц и в Париже, и у Татьяны, только Литвиновой, а не Яковлевой, во Владикавказе)...

Маяковский сделал Татьяне Яковлевой предложение «руки и сердца» (как и я, и тоже Татьяна), получив при этом тоже положительный ответ. Но ещё раз приехать в Париж (как и мне в Орджоникидзе – Владикавказ) ему не удалось. И в этом, – в неполучении документов для поездки за границу, насколько мне известно, очень постаралась сожительница поэта по их московской коммунальной квартире, Лиля Брик.

В 1930 году Татьяна вышла замуж за виконта дю Плесси (а Татьяна Литвинова – за какого-то своего осетинского родственника). В этом браке у неё родилась дочь Франсис. Возможно, и у Татьяны Литвиновой есть дети. И я был бы очень рад тому, что судьба её сложилась счастливо. А в 1941 году муж Татьяны Яковлевой – лётчик, воюя с фашистами, как и его соотечественник Экзюпери, погиб. И награду за его подвиги она получала из рук самого Шарля де Голля, ставшего впоследствии президентом Франции.

А ещё Татьяна Яковлева была дружна со знаменитой актрисой Марлен Дитрих, признанной красавицей. И если кто-то начинал хвалить точёные ноги Марлен, она обычно отвечала: «Да, они ничего. Но у Татьяны – лучше».

Кроме всего прочего, Татьяна пророчески предсказала Иосифу Бродскому, что он получит Нобелевскую премию в области литературы. Причём предсказание её случилось за двадцать лет до состоявшегося потом события...

Вот какой длинный ассоциативный ряд вызвало у меня лицо Маяковского.

– Это дар ЮНЕСКО от России, – пояснила гид, быстро устремившись затем (пройдя, правда, не более десятка шагов) к другой картине, висевшей в этом же холле на противоположной стене.

Подождав, пока все подтянутся к новому произведению искусства, наша провожатая прямо так с придыханием, как влюблённая гимназистка о предмете своей любви, произнесла:

– А это подарок ЮНЕСКО от самого Пабло Пикассо! «Падающий Икар», – указала она на висящую на стене картину.

Икара, впрочем, на картине никакого – ни падающего, ни парящего – не было. Да и картины самой, в общепринятом смысле этого слова, тоже, на мой взгляд, не было. А было на сером, даже не загрунтованном холсте, натянутом на сильно вытянутый по вертикали подрамник, несколько небрежных жирных, чёрных линий и небольшой круг. Круг подразумевал голову (так обычно человечков рисуют дети) и находился внизу полотна. А от «головы», проведённая будто малярной кистью, отходила коротенькая тоже якобы «шея». А дальше, за этой короткой полосой, в разные стороны шли ещё две полосы, призванные изобразить раскинутые «руки». За «руками» шла длинная (метра полтора) вертикальная полоса – «тулово», за которым тоже в разные стороны были раскинуты, правда, не так сильно, как «руки», загнутые в конце под прямым углом «ноги».

Обернув к нам восхищённый взор и увидав моё обескураженное выражение лица, гид спросила:

– Вам не нравится?

– Нет, – ответил я честно. – А вам?

Она на минутку задумалась. А потом отчего-то шёпотом, словно это была великая тайна, произнесла с глубоким вздохом и решимостью (словно готовилась прыгнуть в холодную воду):

– Мне тоже, в общем-то, не очень. Но все говорят: «Гениально!»

– Никогда не верьте тому, что «все говорят». Правы обычно бывают не массы и толпы, а единицы, – ответил я, не став дальше развивать эту тему.

Моё же личное впечатление от сего произведения сводилось к тому, что Пикассо, скорее всего, просто не знал, куда деть это своё незавершённое «произведение». Выбросить – жалко. Продолжить над ним работу дальше – видимо, не хотелось по каким-то причинам. Вот и пришла в голову идея – подарить. Поскольку продать это выгодно было бы, наверное, всё-таки проблематично. Да и совсем уж бесстыдно, пожалуй. Впрочем, подобными художествами грешили многие живописцы, ставшие известными при жизни. Когда уже не они работали на имя, а имя работало на них...